

— Ну как нынешний урожай, тяжеловат!
— Ничего, своя ноша не тянет!

КРОКОДИЛ

ИТАЛЬЯНСКИЕ РОТОЗЕИ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

В Италии есть иллюстрированный журнал «Rotosei». Такого слова в итальянских словарях нет. Не трудитесь его искать. Очень возможно, что это — русское слово «ротозей». Мы не знаем, как оно попало из России в Италию. Но попало оно как раз на подходящее место. Итальянские ротозеи имеют свой собственный журнал.

Ротозей — это человек, у которого широко раскрыты глаза и рот. Но глаза ничего не выражают. Это пустые глаза. Из рта вылетают только пустые слова. Ротозей смотрит и ничего не понимают. Они не в состоянии заметить что-либо путное. Они видят только пустяки. Об ином ротозее половица говорит: «Смотрит, как баран на новые ворота». Это значит: смотрит и ничего не смыслит.

Никто до сих пор не раскрывал в литературе тайн бараньей души. Мы бы и не узнали их, если бы не итальянский «Ротозей». Он поведал нам сокровенные тайны бараньей, а вернее, овечьей души. Он сделал это очень просто. Он послал в Москву некую Миреллу Дельфини и печатает теперь ее корреспонденции.

Когда Мирелла перешагнула советскую границу, она обмерла, раскрыла рот и сказала: «В России мне страшно». Она так и не могла после этого закрыть рот. Она увидела перед собой «новые ворота» и сказала: «Это железный занавес».

Почему она испугалась? Она вообразила, что ее примут за важную шпионку и проявят чрезвычайное внимание к ней. Может быть, и пресловутый баран перед новыми воротами воображал, что его тоже примут за тигра. Мирелла была убеждена, что за ней следят солдаты, проводники, официанты, горничные в отелях и просто прохожие на улицах. Ночью она лезла под кровать, чтобы найти там милиционера. Она ковыряла пальцем стены, чтобы обнаружить тайный «микрофон». Она сама признает: «Я боялась заболеть «полицейским психозом». Это был у нее не столько психоз преследования, сколько мания величия. Мирелле Дельфини ужасно хотелось, чтобы на нее все смотрели с вниманием и страхом. Это было своего рода кокетство женщины, которая хочет, чтобы ею интересовались.

Увы, она убедилась, что на нее никто не смотрит. Никакого внимания! Она с горечью замечает: «Мне говорили, что за нами всегда следят агенты в штатском. Но я этого никогда не замечала, даже когда осталась одна в безлюдном проходе на станции метро «Площадь Революции». Я оставалась там десять минут, чтобы проверить, не высунется ли кто-нибудь, чтобы следить за мной. Но никого не увидела».

Можно ли представить себе что-либо более обидное для кокетливой женщины, чем всеобщее невнимание к ней? Страх прошел

у Миреллы Дельфини. Ее охватила грусть. Ей теперь казалось, что в России все грустят, что это страна всеобщей грусти. Грустят солдаты, грустят милиционеры, грустят мужчины, грустят женщины... Она пишет: «Это была грусть женщин, которые никогда не были красивы или по крайней мере никогда не испытывали удовольствия от собственной красоты». Видимо, по этой же причине столь беспросветной была грусть Миреллы в Советской стране.

Она вспоминала: все время, с самого приезда в Советский Союз, она не видела, по ее словам, ни одного веселого лица. «Народ никогда не поет... Никто не насвистывает, никто не напевает какого-нибудь мотива... В этой стране всегда царит молчание». На этом унылом фоне исключение составили два жеребца. Завидев в окне вагона Миреллу, они почему-то весело заржали, задрали хвосты и стали догонять поезд, выделывая на скаку курбеты. Мирелла не объясняет, что привело жеребцов в такой восторг.

Веселых лошадей Мирелла все-таки видела. Веселых людей так и не обнаружила. Все, кого она встречала, смотрели на нее с грустью. Однажды она, пожелав блеснуть эрудицией, сказала своему переводчику Анатолию: «Попову приписывается честь изобретения паровой машины, электрической лампочки и радио». Анатолий посмотрел с грустью на Миреллу и ничего не сказал.

Мы понимаем причину этой всеобщей грусти. Советские люди любят умный, живой, веселый итальянский народ. Им становилось грустно, когда они смотрели на Миреллу. Она замечала, что внушает советским людям какое-то странное чувство. Она написала: «Русские не любят туристов». Это вздор. Сотни тысяч иностранных туристов отметили гостеприимство и приветливость советских людей. Это бесспорный факт. Одна иностранная туристка действительно не понравилась советским людям. Это тоже факт, но напрасно Мирелла обобщила его.

Что же делала она в Москве? Она, судя по опубликованным статьям, не была ни на одном заводе, не была в школах, не посетила университета, не знакомилась с нашими клубами, парками культуры и отдыха. Она вообще не проявляла ни малейшего интереса к труду, отдыху, культуре советского народа. Она искала только ротозеев, бродила по улицам и фотографировала тех, кто сидит на скамейках и ничего не делает. Можно подумать, что она была послана редакцией «Ротозея» со специальной целью изучать быт и нравы лодырей.

Правда, ее как женщину интересовали советские женщины. Верная себе, она разделила их на две категории. Первая по-

меньше: женщины, которые красят губы. Вторая больше: женщины, которые не красят губы. С видом ученого исследователя она записала свое ценное открытие: «Русские женщины не употребляют косметических средств, их волосы не знают парикмахера».

Она открыла в Москве явление, которое показалось ей поразительным: «В Москве проституция запрещена». Но это заинтересовало ее не со стороны ликвидации позорной социальной язвы. Нет, перед Миреллой встала проблема: как же обходятся в таком случае ее друзья из итальянского и из других посольств? Мы не можем привести ее рассуждений по этому поводу. Их цинизм мог бы покорило даже карбинеров итальянской полиции. Она подробно описывает, как дипломатические работники и какие-то неизвестные девушки устраивают взаимную охоту, скрываясь от милиции. Мирелла сама сообщает о том, что советские люди избегали разговоров с ней, в особенности на интимные темы. Таким образом, источником амурной информации Миреллы являются только молодые люди из иностранной дипломатической среды. И если Мирелла обобщила их, то это уж дело их собственное, внутреннее, дипломатическое. К советским людям и нравам это отношения не имеет.

Вообще всюду, где бы ни побывала Мирелла Дельфини, ее неудержимо тянуло в те места, которые другие корреспонденты обходят молчанием из чувства стыдливости и приличия. В корреспонденциях Миреллы Дельфини мы находим, например, богатый набор сведений об уборных и туалетных комнатах. Это не случайно. Она старалась всюду проникнуть на задние дворы советского дома, ткнуть свой нос во все выгребные ямы. Ей словно хотелось всюду оставить гаденький след, все обрызгать ядовитой слюной. Ею владела в действительности не грусть, а злоба. Ей ненавистно было все новое, все молодое, все живое в стране, в которую она поехала исключительно для того, чтобы снабдить свой журнал материалами повышенной пахучести.

Как видим, журнал «Ротозей» заслужил свое название. Это орган профессиональных бездельников. Им чужда и враждебна Советская страна как страна честного труда и высокой культуры.

Нас спросят: кто же она, эта Мирелла Дельфини? Откуда она взялась такая?

Мы можем сообщить нашим читателям лишь немного. Как нам передают, родители Миреллы Дельфини — очень почтенные итальянцы. У них, как говорят в сказках, три дочери: две умные, а третью зовут Мирелла.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ПОКА СУТЬ ДА ДЕЛО...

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

И когда наступил день суда, прокурор Шишкунов произнес: — Граждане судьи! Что такое браконьер? Браконьер, ежели он рыбак, — это человек, занимающийся недозволенным способом рыбной ловли. Или, скажем, охотник, стреляющий дичь и зверя в недозволенное время года. «Браконьер», граждане судьи, — слово французское. Но, к великому прискорбию, браконьеры водятся и на нашей российской земле. Об ущербе, который они наносят народному хозяйству, я распространяться не стану: об этом за последнее время немало писано в книгах, газетах и журналах. Пишут ученые, писатели, фельетонисты, рабкоры, рыболовы, охотники...

О борьбе с браконьерами немало имеется законов и директив, решений и предупреждений, постановлений и указаний. И что же получается? Неважно получается, граждане судьи. Получается, как в басне у дедушки Крылова: «Меж тем как с бережку Лисица рядит, судит, кум рыбку удит...» И удит, учтите, запрещенным способом. Таких кумов еще много. За фактами ходить можно и близко и далеко. Вот некоторые из многочисленных.

Возьмем, например, реку Узу в Пензенской области. Заглянули в Лопатинский район и видим: днем и ночью на глазах милиции ловят рыбу запрещенным способом — саком с отводом. Этот сак тащат по дну реки, и все живое и мертвое, каждый малек, каждая икринка, становится достоянием двуногих хищников. А кто, спрашивается, тащит сак? Может, люди некультурные, несознательные? Отнюдь! Занимались этим делом, кроме других прочих, такие граждане, как работники радиоузла Зиновьев и Майоров. Им, можно сказать, по штату полагается в доверенном эфире на соответствующей волне браконьеров громить, а они такое безобразие творят...

Да... Или обратим свои взоры, граждане судьи, на реку Нижняя Терсь в Крапивинском районе, Кемеровской области. Ох, и река Красота! А сколько в ней рыбы!.. Было, добавлю я. Было, да всплыло. Всплыло и погибло. А почему всплыло? Да потому, что директор Нижне-Терсинского леспромхоза Кишкин и председатель Ячменюхинского сельсовета Котов рыбу взрывчаткой глушат. Это ли не варварство?!

Теперь, как сказал поэт Некрасов, выдь на Волгу, чей стон раздается? Рыбий стон, граждане судьи, раздается. Спасу ей нет от охранника Горьковской ГЭС Ивана Царева. Особенно в мае, во время нереста, этот «охранник» в запретной зоне ГЭС ловит рыбу десятками килограммов, продает на многие тысячи рублей и, заметьте, выходит сухим из воды — никто его не остановит, никто его не осудит.

Теперь перекинемся с Волги на большое красивое озеро Заложцы в Тернопольской области. И что мы видим? Видим, как рыбаки из городского рыбхоза Гринчук П. Г., Ковтун Я. И. и Помяк С. В. во время икромета ловят щук, линей, плотву, окуня. А как лозят? Вентерями ловят, что законом категорически запрещено, а рыбовод рыбхоза Василенко одно твердит, что мы, дескать, план выполняем. Разве это не преступление?

Да что там Украина и Поволжье! Все это от нас далеко. Давайте заглянем в водоемы и в леса нашего, Железнодорожного района...

Не будем заглядывать в леса Железнодорожного района, Коми АССР. Заглянем в республиканскую газету «Красное знамя». В ней рассказано, как прокурор Железнодорожного района Шишкунов вызвал милиционера Лятиева и старшего следователя Политова.

— Вы читали, что весенняя охота запрещена? — грозно спросил прокурор.

— Так точно Информированы.

— Тогда немедленно вооружайтесь — и в лес. За мной!

Утром на другой день прокурорская машина везла к Шишкунову хирурга.

— Плохо ему, прокурору-то, — доверительно сообщил шофер, — пять часов пролежал в болоте.

— В каком болоте?

— Да в том, где они на глухарей охотились.

Ох, нелегкая это работа — из болота тащить прокурора! Оказывается, милиционер Лятиев в этом самом болоте впотьмах принял прокурора за глухаря и вцепил в него весь глухаринный заряд картечи. Газета спрашивает, возбудит ли прокурор дело против милиционера Лятиева и поручит ли вести дело старшему следователю Политову.

...Читатель, разумеется, догадался, что никакой речи прокурор Шишкунов не произносил (тут уж не до речей!) и никакого суда над браконьерами не было. Речь выдумана автором. Что касается фактов браконьерства, факты невымышленные, о них сообщили нам читатели «Крокодила».

Сигналы о хищническом истреблении рыбы и дичи, о либеральном отношении к браконьерам поступают из многих других мест. И, читая эти письма, полные справедливого возмущения браконьерством, искренней тревоги и хозяйской заботы о сохранности и умножении бессловесных обитателей лесов и вод, хочется во весь голос спросить:

— Доколе?!

Д. БЕЛЯЕВ

СОВРЕМЕННЫЙ ДЖИН

Не сказка, а были!

С. МАРШАК

СПОР С ИСТОРИЕЙ

*Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
А. С. ПУШКИН*

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Он был упрям, однако же неправ.
— Китая нет! — настаивают Штаты,
Глаза платком крепче завязав.

Но мудрецы, подвергшие сомнению
В былые дни вращение Земли,
С ней заодно вращались и вращенью
Препятствовать, конечно, не могли.

Идут события по своим законам,
Как яростно ты их ни отрицай.
Непризнанный доньне Вашингтоном,
Живет, цветет и здравствует Китай.

ЗАХРЕБЕТНИК

Прихожане переславской церкви однажды заметили появившуюся среди них новую личность. С иконкой на груди и какими-то странными бляшками-звездами, прикрепленными к одежде, в церкви стоял длинноволосый и бородатый мужчина.

Он обращал на себя внимание не только тем, что был незнаком молящимся, но и своей временами каменной неподвижностью. Глаза его были устремлены в одну точку, старик как бы не ощущал присутствия других людей. Крестился он истово, резко опускался на колени и бил лбом о каменный церковный пол.

— Странник, странник! — шептали старушки.

— Божий человек, о божьем помышляет, не о земном, взор в небеса...

Кончилась служба, странник вышел на паперть, и там ему стали совать в карманы рублевки и трешницы, а кое-кто расщедрился и на более крупные купюры.

Странник поселился в собственном домике одинокой старушки Марии Семеновны Градусовой. Однако такое общество его, видимо, не устраивало, и он, когда

представилась возможность, перекочевал в другой дом, где хозяйка хотя и в немалых годах, но помоложе Градусовой. Да и к тому же у нее две дочери: плаховик лесозавода Антонина, тридцати лет, и учащаяся Тамара — двадцати. Зажил здесь «божий человек» неплохо. Сама Евдокия Марковна Житникова чуть ли не молилась на него, дочери преклонялись перед ним. Тамара и подруг своих втянула в группу, составившую ядро почитателей странника: Зою Ефимову, лаборантку фабрики киноплёнки, Марию Максимову, бухгалтера горпромкомбината...

— Кто ты? — спрашивали старика.

— Я раб божий. Ничего не помню, кто я. Нет у меня семьи. Все люди — мои братья. Я молюсь за тех, кто погиб в суете и пороках.

— А как от суеты избавиться?

— Надо ничего не делать, а только молиться, тогда и не будет суеты.

Заметив, что его личностью стали интересоваться не только кликушествовавшие богомолки, странник сделал «ход конем»: наложил на себя «обет молчания».

— Отец Николай, — спрашивали его Житниковы и другие, узнавшие к тому времени имя «раба божьего», — заговоришь ли ты снова?

«Буду ждать голоса бога, когда он разрешит отверзти уста мои», — отвечал странник письменно на клочке бумажки.

И пошла по темным углам, по старушечьим домикам и комнаткам «слава» об этом старике, как о святом человеке, чуть ли как не о новом мессии — Христе. Правда, однажды «раб божий» был близок к провалу, но ловко вывернулся. Во сне он вдруг стал... матерщинничать.

— Что же это ты, отец Николай, делаешь? — недоуменно спрашивала Житникова. — Нехорошими словами ругаешься, в грех впадаешь?

«Молчи, мать, — письменно потребовал странник. — Я воевал с нечистым духом, против беса раборствовал».

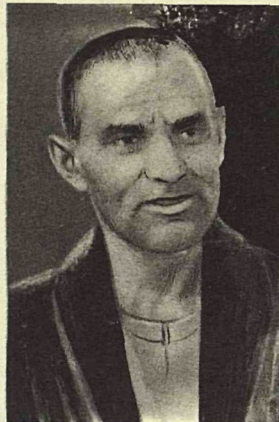
Одевали, обували, поили, кормили, а порой и винцом снабжали этого здорового и сильного человека некоторые сердобольные переславские женщины...

И вот «отец Николай» заговорил, снял с себя «обет молчания».

— Почему вы пришли в Переславль?

— Я странник. Не доходя до Переславля было мне видение богородицы. Она велела остановиться там, где в церкви есть покров божьей матери. А в переславской церкви покров и оказался...

Мы интересуемся деталями столь редкостного случая — видения богородицы, но Николай Михайлович Петюк, как в действительности зовут эту личность, «замыкает свои уста», предварительно заметив, что о «таких вещах говорить ни с кем не подобает».

Ну, ладно, нетактично настаивать на раскрытии небесных секретов. Однако жизнь Петюка до прихода в Переславль секретом не является. Оказывается, вопреки заверениям своим поклонникам разного возраста сей «раб божий» отлично помнит, где родился и жил, что делал до пяти-

десяти лет. Выяснилось, что и семья у него есть: жена и взрослые дети, оставшиеся в деревне Ятра, Кореличского района, Гродненской области.

Жена Петюка Елена Михайловна пишет: «Почему он забыл свою семью? И что ему мешает на родине?»

В самом деле, почему он бежал из родной деревни?

После войны Петюк не захотел вступить в колхоз, упорно цепляясь за свое хозяйство и семье не давал работать в коллективе. А потом надумал бродяжничать, жить паразитом, на чужой счет. Выдавая себя за монашествующего, пуская пыль в глаза страннической бутафорией: иконками, звездами, длинными волосами и бородой, под которой скрывалась отнюдь не старческая личность, — он сам тунеядствовал и других подбивал на это, разглаживая о «суете земной», о том, что «надо только молиться и ни о чем, кроме как о боге, не думать».

— Вас Житниковы и другие почитали за святого? — спрашиваем мы Петюка. — Вы-то сами верили в это?

— Ну, какой я там святой! Это они сами выдумали.

— А как же вы говорили Градусовой: «Когда умрешь, возьму тебя к себе на небо»?

— Почему бы не потешить старушку? Пусть помечтает о небе.

Из Гродненской области по сложному маршруту добрался Николай Петюк до Переславля.

— Везде меня люди выгоняли, — сокрушается «раб божий». — В Переславле же тихо.

Да, нелестная характеристика в устах проходимца. Он в течение четырех лет мучил воду, дурачил не только старух, но и молодежь, а у некоторых переславских жителей были словно шоры на глазах. Давно бы надо разоблачить его, вывести на чистую воду, содрать с него личину «святости».

Надо решительно очиститься от захребетников, подобных Петюку.

Н. ИВАНОВ

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

БЫВАЕТ И ТАК...

-- Ну, с такой техникой мы быстро до райцентра доберемся!

— Дедушка, сыграй у нас в пьесе боярина.
 — Ребятки, так у меня ж таланту нету!
 — Зато борода есть...

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

(Басенка)

Пробрался зайчик
 солнечный в оконце.
 Скользнул по мебели
 и по стене,
 застыл и пискнул:
 «Я — частица солнца,
 питайте уважение
 ко мне!»
 В окне напротив,
 делая уборку,
 в тот миг
 над зеркальцем
 спустили шторку.
 Наш зайчик дрогнул
 и навек исчез.
 А солнце так же
 с высоты небес
 своим сияньем озаряло
 дали...

Нужна мораль?
 Мы думаем, едва ли.

При современной технике многоэтажные дома передвигаются с улицы на улицу. Причем в передвижаемом доме исправно работает водопровод, телефон. Иные дома передвигаются даже на сотню метров.

— Сотня метров? Эка невидаль! — воскликнули некоторые руководящие товарищи в Мучкапе. — Мы вам любой дом на двадцать километров переманем.

И верно — переманули! Два района Тамбовской области, Шапкинский и Мучкапский, сливались в один. Всем районным учреждениям было предложено переехать из Шапкина в Мучкап.

— Ну, что ж, — бодро заявил начальник районной милиции, недолго думая, разобрал кирпичный дом милиции и перевез его в Мучкап.

Был в Шапкине книжный ма-

газин. И его разобрали и тоже уволокли на новое место.

А вот народному судье Ковалеву не повезло. Ему более чем ясно было указано: здание суда передать сельскому Совету. Судья сначала приуныл, но потом просиял.

— В указании говорится только о здании суда... а о туалетной комнате при суде ничего не говорится.

А посему она была разобрана и увезена в Мучкап.

— Что же это в самом деле получается?! — заволновались работники райисполкома. — Милиция, книготорговцы перетасили свои дома. Судья уборную и ту уволок. А мы что, в поле обсевок? А ну тащи, братва, наш новый двухквартирный дом, что стоит девяносто тысяч рублей!

В бывшем районном центре

Шапкино некоторые педагоги и врачи живут в трудных условиях. Напрасно директор школы упрашивал райисполком оставить для школьных нужд двухквартирный дом, предлагая взамен два стандартных, еще не собранных, новых дома и 20 тысяч рублей на их отделку.

Не помогло! Напрасно директор доказывает, что на разборку, перевозку и восстановление перевозимого с одного места на другое двухквартирного дома уйдет еще 90 тысяч. Да и перевозить такой дом очень трудно.

— А мы трудностей не боимся! — бодро ответили директору школы райисполкомцы.

И, не щадя затрат, руководящие лица Мучкапского района продолжают творить чудеса, ничего общего не имеющие ни с техникой, ни со здравым смыслом.

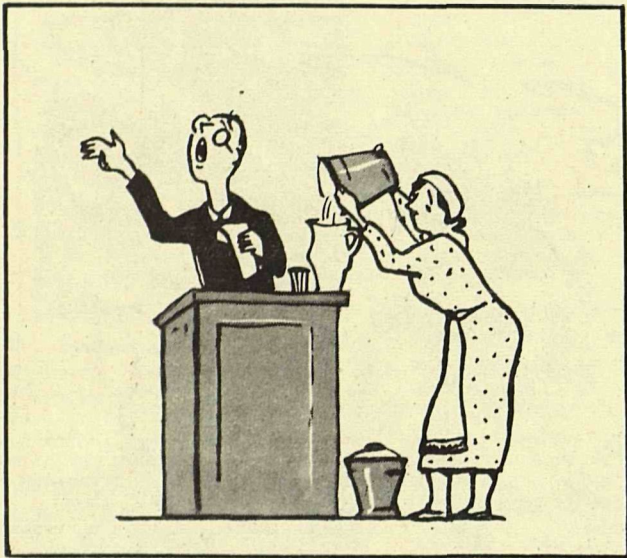
КИПЭРУШ

(молдавский сатирический журнал)

В гостях У КРОКОДИЛА

Рисунок И. ВИЕРУ.

Рисунок Г. САИНЧУКА.

Заправка лектора.

В первый день практики.

Рисунок Е. МЕРЕГА.

Окуривание садов в некоторых колхозах.

Рисунок В. ПЛЕНЦОВСКОГО

— Ничего, бабуся, я потом уложу все как было.

Доюваривающиеся стороны...

Глава I. ЯВЛЕНИЕ ФОРТУНЫ

Московское городское бюро товарных экспертиз.

— Здравствуйте,— вежливо сказал посетитель.— Моя фамилия — Сулла.

Заместитель начальника бюро Прокопенко и старший эксперт Хазанов, мельком взглянув на вошедшего, продолжали заниматься своими обыденными делами.

— Спешу предупредить,— сказал посетитель,— в моем лице к вам явилась сама fortuna.

Прокопенко и Хазанов пригляделись внимательнее. У фортуны был помятый вид и жуликоватое лицо.

— Имею деловое предложение. На джентльменских началах. Двадцать процентов с выручки мои, остальное ваше. Можно приступить к изложению?

Прокопенко и Хазанов согласно кивнули и придвинулись к посетителю.

— Так вот,— начал Сулла,— в городе Калинин работает некто Верховский...

Глава II. «ГОРИМ!!»

Технорук учебно-производственных предприятий Калининского областного отдела Всероссийского общества глухонемых Верховский вскрыл только что полученную телеграмму и, взявшись за голову, зычно закричал:

— Пахнет паленым!

Сменный мастер Николай Васильевич Имансу, услышав руководящий вопль, поднял голову и понюхал воздух.

— Марк Анисимович, что с вами,— спросил он,— чем пахнет?

— Шерстью! Паленой шерстью. Той самой, из которой мы изготавливаем наши шерстяные головные платки...

Имансу засмеялся:

— Да вы что? Откуда в наших шерстяных платках шерсть? Там ее, простите, кот наплакал...

— Вот поэтому мы и горим. Нате, читайте. В телеграмме значилось: «Немедленно представьте эталоны выпускаемых трикотажных платков копию утверждения артикула цены нормы расхода сырья необходимых для окончания экспертизы. Госэкспертиза Прокопенко».

— Н-да,— мрачно сказал Имансу,— пожалуй, вы правы: горим. Но, как бы то ни было, нужно ехать...

Глава III. ДОГОВАРИВАЮЩИЕСЯ СТОРОНЫ...

Заместитель начальника бюро товарных экспертиз Прокопенко и старший эксперт Хазанов были строги, суровы, неумолимы...

— Значит, обманываете потребителей? Значит, выпускаете платки, не соответствующие стандарту? Значит, жульничаете?..

— Не жульничаем — экономим,— жалобно сказал Верховский.

— Что же теперь будет? — заныл Имансу.

— Плохо будет,— угрожающе ответил Прокопенко.— Само Министерство торговли заинтересовалось вашей деятельностью. Видите, что они нам пишут: «Срочно выделить в рас-

поряжение ОБХСС пять экспертов для тщательной проверки продукции текстильных предприятий Всероссийского общества глухонемых в гор. Калинин». Подпись. Штамп. Входящий и исходящий. Все на месте. На этот раз дешево не отделаетесь...

— А мы и не хотим дешево. Нам лишь бы отделаться. Пусть даже дорого,— с надеждой сказал Верховский.

— Это разговор другого рода,— со снисходительной суровостью произнес Прокопенко.— В таком случае мы, может быть, и договоримся. Наши условия: сто тысяч рублей на стол, и можете продолжать выпуск своих бесшерстных шерстяных платков. Устраивает?

Официальный разговор договаривающихся сторон принимал явно интимный характер...

Глава IV. ПЕРЕМЕНА МЕСТ СЛАГАЕМЫХ...

Верховскому и Имансу нужно было принять решение. Нужно было сказать либо «да» и расстаться с крупной суммой денег, либо «нет» и вступить в нежелательное общение с Уголовным кодексом. Не хотелось ни того, ни другого... Что касается Прокопенко и Хазанова, то они торжествующе переглядывались и мысленно пересчитывали хрустящие купюры, которые сейчас выложат на стол их удрученные собеседники.

И тогда встал Имансу. Твердо ступая, он подошел к Прокопенко и неожиданно вырвал у него из рук министерское письмо. Вырвал и положил в карман.

— От... от... отдайте письмо! — блеющими голосами сказали Прокопенко и Хазанов.

— Не отдам,— сказал Имансу.— Хотя деревья уже отцвели, но от этого документа здорово несет липой. Придется проверить в министерстве. Или, может быть, вы сами разрешите мои сомнения?

— Разрешу,— вдруг обмяк Прокопенко,— только никому не говорите. Я сам написал это письмо. На чистом бланке со штампом министерства. Чтобы вас припугнуть. Это нам Сулла подсказал. Но как вы догадались?

— Читайте Шерлока Холмса,— назидательно изрек Имансу.— Его метод логического мышления — полезная вещь. Если бы министерство и ОБХСС действительно заинтересовались нашей беспорочной деятельностью, то в этом случае вы не взяли бы на себя смелость уладить это дело. Вы, сударь, потеряли чувство меры. Я предлагаю вам другое. Вас двое, и нас двое. Вы требовали взятку, а мы изыскивали способ, как избежать этой нежелательной траты. Теперь мы поменялись местами. Но

от перемены мест слагаемых сумма, как известно, не меняется. Мы и не намерены ее менять; гоните нам те самые сто тысяч рублей, которые вы требовали с нас, и мы отдадим вам эту грубо-примитивную фальшивку. В противном случае ее с восторгом примут и в министерстве и в ОБХСС...

Глава V. КОГО ДЕРЖАТЬ?

— Во всем виноват Сулла. Это он надоумил нас заняться вымогательством взятки с бракоделов, оговорив при этом свою долю,—

оправдываются Прокопенко и Хазанов.— Держите Суллу!..

— Держите Верховского и Имансу! — вопит Сулла.— Они не только бракоделы и взяткодатели, они еще и хулиганы: узнав о моей роли в этой невинной истории, они, мягко выражаясь, дали мне по физиономии...

— Держите Прокопенко и Хазанова! — надрываются Верховский и Имансу.— Мы почти хорошие. Наш шантаж мы применили в порядке сатисфакции. Деньги мы требовали не с кого-нибудь, а с жуликов. И вообще раз уж нас поймали, то мы больше не будем...

ЭПИЛОГ

Многие авторы не любят, чтобы их произведений касалось чужое перо. В данном случае мы с готовностью передаем право на эпилог к этой истории. Нам только хотелось бы, чтобы эпилог начинался словами:

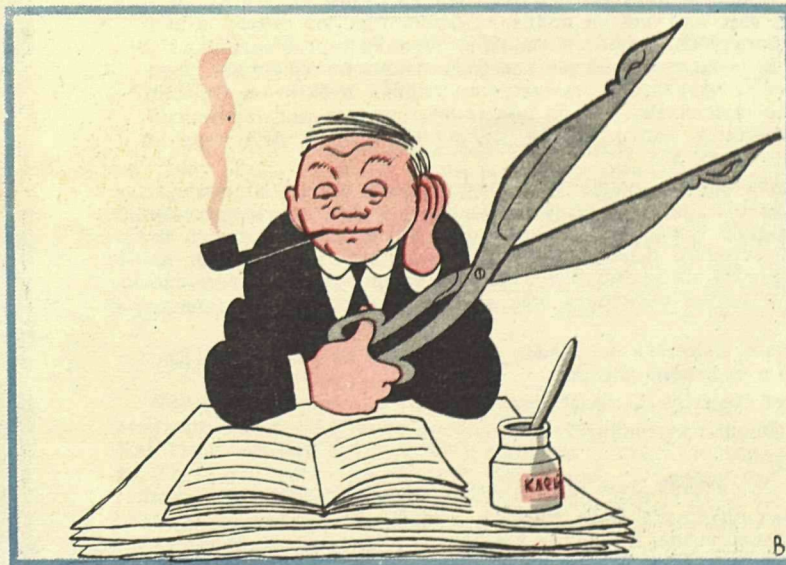
«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Народный суд в составе...»

Лучше, как говорится, не напишешь.

Вит. АЛЕНИН

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Что бы написать?..

КРОКОДИЛА

Общезвестно, что нельзя делить шкуру неубитого медведя. Точно так же невозможно приготовить баранью отбивную из барашка, который еще беззаботно пасется на изумрудном лугу. Прежде чем положить мясо в кастрюлю, на сковородку, следует барана или, скажем, корову свести на мясокомбинат. Это элементарно.

Правительство отпустило огромные средства на строительство новых мясокомбинатов. Как осуществляется это строительство? Крокодил побывал в двух республиках: Киргизии и Белоруссии. На этих страницах он и рассказывает о своих впечатлениях. Кто знает, быть может, его повествование наконец взволнует совнархозы этих республик.

О ВЕДОМСТВЕННЫХ БАТАЛИЯХ И ТЯНЬ-ШАНЬСКИХ БАРАНАХ

Наш маленький пассажирский самолетик, жалобно подывая, неохотно лез в небо. Внизу громоздилась взъерошенная горная гряда. Похоже было, что какой-то великан поработал здесь гигантской лопатой, перемешав без всякой цели островерхние заснеженные пики, складчатые горные плато, ущелья, скалы. Великану по пятибалльной системе надлежало поставить за такую работу двойку.

Вот здесь мы и услышали о злоключениях тянь-шаньского барана.

- Хороша дорожка из Фрунзе в Нарын? — осведомился наш сосед.
- Да-а, самолету, видно, приходится туго!
- Это самолету. А каково барану? Овце?
- Ну, овца здесь не пойдет.
- Пойдет, ежели погонят.
- Какой же умник ее погонит?
- А как доставишь ее с горных пастбищ вниз, на мясокомбинат? Другого пути ведь нет!

И впрямь, овцу гонят. И не одну, а многие тысячи, если учесть, что Тянь-Шаньская область — одна из основных животноводческих областей Киргизии. Нельзя сказать, чтобы этот туристский маршрут благотворно отражался на овечьем самочувствии. Многие животные, не выдержав сурового перегона, преждевременно отдают богу душу. Иные парнокопытные катастрофически теряют в весе, и на мясокомбинат приходит не овца, а, так сказать, ее схема — скелет, обтянутый шкурой.

Вы можете услышать массу фольклорных историй, связанных с перегонем. Вам расскажут о ловкачах-чабанах, которые за приличную мзду меняют в начале пути еще сытых овец из отары на тощих. Вам расскажут и о том, как они на привалах бойко торгуют скотом и впоследствии недостатку сваливают на волков, обвиняя серых хищников в фантастическом чревоугодии. И так как безвестному волку трудно опровергнуть клевету, бухгалтеры вынуждены, скрипя зубами, вести счет убыткам. Точно подсчитано, что за последние пять лет государство потеряло на перегонах около десяти миллионов рублей, не говоря об огромных потерях мяса.

Десять миллионов на улице не валяются. Эта цифра подстегнула кое-кого в Киргизии, и было решено соорудить в Нарыне мясокомбинат. Тянь-шаньские товарищи ликовали. Вот он, выход из горного тупика! Конец перегонам! Конец потерям! И в Нарыне на радостях поклялись воздвигнуть мясокомбинат в наикратчайшие исторические сроки. Крокодил и решил проверить, как выполняется эта торжественная клятва.

Когда самолет, крихтя и отдуваясь, приземлился на поле у гор, Крокодил спросил у местного жителя:

- А где тут строится мясокомбинат?
- А вон, неподалеку, видите?
- Не вижу.
- Неужто не видите? Чуть правее, строительная площадка.

Строительная площадка была голой и ровной, как футбольное поле. Впрочем, несколько позже Крокодил наткнулся на следы строительства. Это был восьмиквартирный жилой дом, пожалуй, единственный объект, которым могло похвастаться Нарынское СМУ.

У Крокодила, естественно, возник вопрос: чем объясняются столь низкие темпы строительства? И он получил исчерпывающие объяснения

и от заказчика и от подрядчика. Схематично эти объяснения выглядят так:

Подрядчик:

1. Источник зла в заказчике — дирекции строящегося мясокомбината.
2. Заказчик понимает в строительстве не больше, чем овца в симфонической музыке, а лезет со своими советами. К тому же он скуп, как Плюшкин, и жаден, как Шейлок.
3. Заказчик — в высшей степени странный субъект. Он хранит в сейфе единственный экземпляр рабочих чертежей.

Заказчик:

1. Во всем виноват подрядчик — Нарынское СМУ.
2. Подрядчик — жох, каких свет не видывал. Он норовит вытянуть побольше денег и поменьше построить. Деньгами заказчика он хочет залатать дыры на других стройках.
3. Подрядчик — необычайный разгильдяй. Он требует рабочие чертежи, совершенно позабыв, что часть из них давным-давно ему передана и он их хранит в собственном сейфе.

Взаимным попрекам и обвинениям не было конца. И Крокодил с грустью констатировал, что пылкая полемика отнюдь не помогает стройке, полугодовой план которой выполнен всего на 6,4 процента.

Крокодил полагал, что эта цифра вселила тревогу в сердца руководителей Тянь-Шаньской области. Но он ошибся. Печати тревоги не было на челе председателя Тянь-Шаньского облисполкома тов. Айтбаева. Председатель старался не касаться неприятной цифры. Тов. Айтбаев с увлечением начал рассказывать уже знакомую историю о мытарствах баранов и зловещих потерях. Затем он поделился планами новой организации перегона. Если передать гон скота в руки колхозов, то, по подсчетам облисполкома, они получат несколько миллионов рублей прибыли. Возможно, столь радужная перспектива погасила тревогу в душе председателя и других нарынских руководителей. В самом деле, если перегон может дать прибыль, зачем же строить мясокомбинат?

С этой невеселой мыслью Крокодил отбыл во Фрунзе. В пути то и дело встречались отары, бредущие в столицу Киргизии. Овцы выглядели не лучшим образом. Они жалобно блеяли, видимо, сетуя на своем овечьем языке на тяготы пути.

Строительство Кобринского птицекомбината (БССР) начато в 1954 году. С тех пор освоено всего лишь около шести процентов отпущенных средств.

— Крепкий фундамент заложили: п

Во Фрунзе Крокодил встретился с заказчиком и подрядчиком. И тот и другой были уже рангом повыше. Заказчик — Управление мясной и молочной промышленности Совнархоза Киргизской ССР — в крайне нелестных выражениях отозвался о работе подрядчика. Подрядчик — Министерство строительства Киргизской ССР — выразил сильное недовольство действиями заказчика. Словом, повторилась уже знакомая нам история. Крокодилу пришлось констатировать, что обе стороны сбоят друг друга. Каждый внес посильную лепту в срыв строительства. Заказчик вовремя не сдал чертежей, хотя имел полную возможность это сделать. Подрядчик не позаботился о строительных материалах, рабочей силе и четкой организации работ на площадке.

Ведомственная полемика продолжается. Она не ускоряет темпов стройки. Если полемисты не умерят свой пыл, тянь-шаньскому барану придется еще не один год совершать пятисоткилометровые переходы.

С. ШАТРОВ

Москва — Фрунзе — Нарын.

ПОЧЕМУ В МИНСКЕ РЕВУТ ВОЛЫ

(Рассказ шофера)

Прозвали колхозники деда Михаса главгуртоправом, потому что лучше его никто не сдаст колхозную продукцию на мясокомбинат. Сдать надо так, чтобы на шкуре животного не было ни одной ссадины или потертости, иначе тушка пойдет уже не первым сортом. И дело не только в плате, но в чести колхоза. А как же!

И вот недавно дед Михась взбунтовался:

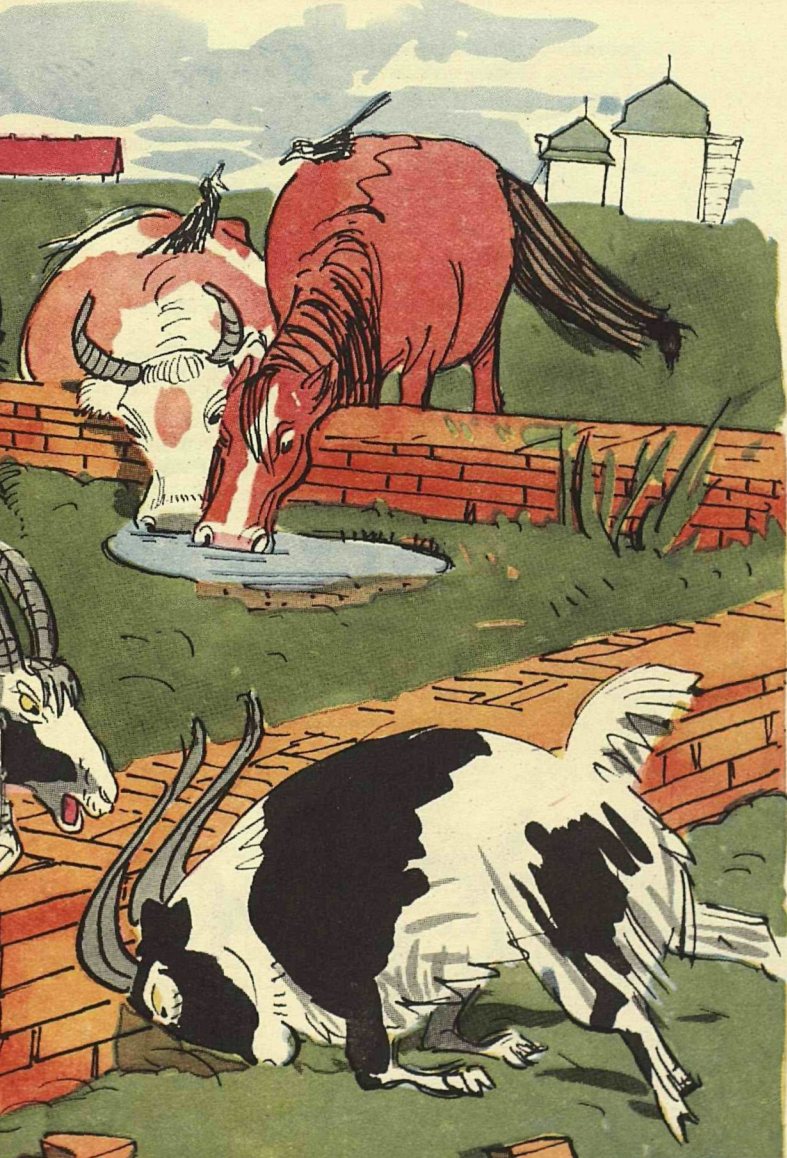
— Не поеду на мясокомбинат! И никаких помощников мне не надо в виде вашего зоотехника Гали. Сказал, не поеду — и конец!

Шумел, шумел главгуртоправ, а все-таки поехал. На такое ответственное дело и послать больше некого.

Под личным контролем главгуртоправа мы вымыли машины, как следует погрузили откормленных, чистеньких поросят, упитанных телят, и я повел автокараван в Минск, на мясокомбинат. Приехали в Минск, дед и говорит Гале (она ехала в кабине последней машины):

— Вот что, дочка, иди с богом, справляйся со своими делами и приходи сюда, мы тебя на этом месте ждать будем.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Пятый год стоит — и хоть бы что!

Гая хотела было возразить, но с дедом Михасем опасно спорить: он, несмотря, что находится в центре столицы республики, может такой шум поднять! Уж очень настойчивый дед!

Только мы двинулись дальше, главгуртоправ и говорит мне:

— А я с умыслом сделал, что не повез Гаю на комбинат. Не догадываешься, почему? Эх, голова!

Я промолчал, хотя, честно говоря, не догадывался, почему старик так упорствовал на своем.

Подъехали к мясокомбинату. В воздухе поплыли запахи... обыкновенной свалки.

Вдоль комбината тянулись старые, покосившиеся заборы, за которыми в загонах в тесноте и грязи находился уже принятый у колхозников скот. Тут же стояли сдатчики колхозной мясной продукции вроде нашего главгуртоправа. Велся общий разговор, тихий, но выразительный.

— Мы стараемся, моем, купаем свиней, чтобы они вес не теряли, за каждый килограмм боремся, а они что с ними делают?!

— У них тут даже воды нет, чтобы скотину попить! Оттого и шкура после убоя портится и мясо свой вкус теряет.

— Да вы послушайте, что тут творится! Я пригнал из нашего колхоза сто восемьдесят семь телят. Не телята, а картинки! По дороге поил их, обергал! Пригнал, у меня сто пятьдесят штук приняли, а тридцать семь не берут: места, видишь ли, нет. А что я с ними робить буду? Гнать обратно? По дороге пропадут.

— И у меня тридцать свиней не принимают, — отозвался колхозник в брезентовом плаще. — Говорят, забойщики не справляются.

Я тоже возмущался, и довольно громко, что правда, то правда.

— Пойдем! Пойдем, я тебе еще что-то покажу! Не такие слова скажешь!

И тут я увидел старое кирпичное помещение, и такое тесное, что рабочим — забойщикам скота — и повернуться негде. Кругом полумрак, сырость, так что невольно подумаешь: «Какая может быть здесь санитария и гигиена!»

И, надо сказать, мастера по обработке туш работают ловко, спорно и, видно, торопятся.

— Видал? — сказал Михась. — Эти паршивые бойни принадлежали купцу Пандасу. И я так скажу: какими они были сорок лет назад, такими почти и остались. Тьфу! — совсем расстроился главгуртоправ. — Вот почему я не допустил Гаю глядеть на это безобразие. Она образованная, старательная, по-научному скот выкармливает — и вдруг увидит такое дело!

Я тихонько рассмеялся.

— Чего речешься?! — обиделся дед.

Я показал в сторону загон. На бугорке стояла наш зоотехник Галя Лесь и печальными глазами смотрела на жалобно ревуший скот и на грязь, в которой он мучился.

— Эх, пропала вся моя политика с Галей! — махнул рукой главгуртоправ. — Более семи лет кудесники строят новый мясокомбинат и еще семь будут строить!

— Видно, настоящей критики на них нет! — неосторожно заметил я.

— Критики нету? — зашумел главгуртоправ. — Сейчас наведем!

Дед и Галя напрямик поехали в мясо-молочное управление Совнархоза БССР.

Ох, и дед, он все пути-дороги знает! И я с ними увязался.

Встретил нас начальник управления товарищ Бируля. Встретил вежливо, как полагаются. Узнал, по какому делу мы приехали, и совсем ласковый стал.

— Верно, — сказал товарищ Бируля, — мясокомбинат действительно строят более семи лет. Прямо незаметно, как время летит! Но зато замечательный комбинат будет, по последнему слову техники. В шестьдесят миллионов с гаком обойдется! Представляете себе?

— А скажите, коли ласка, когда он будет готов? — спросил дед Михась.

Товарищ Бируля веско, авторитетно и даже весело произнес:

— По решению соответствующих инстанций комбинат сдадим в эксплуатацию 1 сентября 1958 года.

Тут наш главгуртоправ как зашумел:

— Слушайте, уважаемый товарищ, вы кому это байки рассказываете? Деду Михасю? А?.. Ведь мы же только сегодня вот с ним (дед указал на меня) заезжали на новый мясокомбинат и все видели. Я же спросил одного строителя: много ли еще дела? Так он мне ответил: «Ого! Тут еще работы миллиона этак на двадцать три!» За семь лет с лишним построили, допустим, на тридцать восемь миллионов, а вы за месяц вздумали сразу на двадцать три! Да вы не только нам, но и вышестоящим очки втираете. Первого сентября!.. Ишь, какие ловкие!..

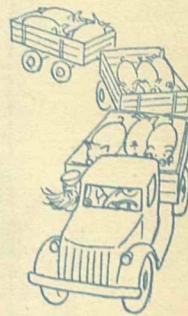
* * *

Примечание авторов. Рассказ шофера, к сожалению, соответствует действительности. И самое невеселое здесь то, что не только управляющий строительным трестом № 1 товарищ Глезер, не только начальники УНР товарищи Полонецкий, Кривицкий и Качельсон, не только товарищ Бируля, но и никто в Совнархозе БССР не знает, когда же наконец будет готов Минский мясокомбинат и перестанут справедливо возмущаться мясосдатчики.

Мих. ЧАУССКИЙ,

Мих. ЭДЕЛЬ

г. Минск.

— У них наилучшие успехи по бегу.
— Да, натренировались во время войны...

Тадеуш ФРЕУ

Возвращение вождя

Во время туристской экскурсии, организованной «Орбисом», в Гондурас пан Кандыд Цапшттык, отец шестерых детей и бухгалтер ВК (волостного кооператива.— Прим. пер.), попросил у местных властей предоставить ему право политического убежища.

— Я являюсь вождем движения сопротивления за железным занавесом,— заявил он во время предварительного допроса.— Теперь они будут вынуждены как-то обходиться без меня.

— А можно полюбопытствовать,— с почтительностью спросил инспектор гондурасской следственной службы,— как называется руководимая вами организация?

— ВК,— ответил неустранимый борец за свободу.— ВК — это Воля и Кара. Это самая мощная организация, которой в настоящее время располагают истинные поляки-патриоты. В принципе мы являемся самостоя-

тельным подразделением и подчиняемся только Центру Особого Движения. Сокращенно ЦОД. Вождь ЦОД скрывается в Беловежской пушце. Мне удалось обмануть бдительность палачей и убежать.

— Осталась ли у вас в Польше семья? Вождь вскрикнул было, но быстро взял себя в руки:

— Я завещал меч своим шестерым сыновьям. Они будут продолжать дело отца. Осталась еще жена. Истинная каштелянка. Вы, очевидно, не знаете, что такое каштелянка?

Инспектор действительно не знал. Но его интересовало другое: на что собирается жить в Гондурасе сей отважный воин?

— О, это очень просто! — разъяснил шеф Воли и Кары.— Правительство свободной Гондураса будет лично мне вручать определенные денежные суммы, которые позволят

финансировать движение сопротивления в Польше. После войны долг будет полностью возмещен.

Инспектор обещал передать это предложение соответствующим властям, а тем временем приказал поместить пана Цапшттыка в местную тюрьму. Через несколько дней вождь движения сопротивления был отправлен в Польшу. Нельзя же было лишать осиротевших воинов столь опытного и неустранимого полковника! На аэродроме при посадке в самолет разыгралась душераздирающая сцена.

— Люди! — зывал отчаявшийся патриот.— Ведь у меня шестеро детей и растрата по магазину! Что мне теперь делать?

Вопрос этот, увы, остался без ответа. Вернувшись в Польшу, пан Цапшттык навестил своих соседей и изрек незабываемые слова:

— Вся эта свобода на Западе — невероятное вранье. Там нет внимания к трудовому человеку...

Перевел с польского
М. РЫМЖА.

Из газеты «Трибуна литератка».

Чем хуже, тем лучше

Нет такого истинного художника, который бы не стремился создать произведение, воплощающее его мечту.

У испанского художника Эдуардо Чилиды тоже есть мечта. Он так и назвал свою работу, представленную на последней двухгодичной выставке в Венеции, «Произнесенная мечта» (фото справа). Как видите, его мечта — это несколько затейливо выпиленных палочек, составленных на манер детского «конструктора».

А вот кусок бронзы, который, если верить подписи, изображает... женщину. Это «шедевр» итальянского скульптора Матройанни (фото слева).

Оба они получили первые премии на Венецианской выставке. В отличие от зрителей, которые лишь пожмали плечами, глядя на премированные «работы», члены жюри пожали руки обоим мастерам, поздравив их с творческим достижением. Очевидно, жюри действовало по формуле «чем хуже, тем лучше».

Только по этому принципу можно было присудить первые премии Матройанни и Чилиде.

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА В УОРРИНГТОНЕ

Мирный ход жизни провинциального английского городка был прерван внезапно. Гулкие раскаты чуть свет всполошили обывателей Уоррингтона. В тот же миг в местном полицейском участке настойчиво задребезжал телефон. Панический женский голос сигнализировал блюстителям порядка, что самолет неизвестной национальности сбрасывает бомбы.

Увидев в окне огненные вспышки, brave полисмены едва не бросились в атомное бомбоубежище. И лишь традиционное британское хладнокровие и честь мундира удержали их на боевом посту.

«Либо разразилась война, либо американцев угораздило потерять над несчастным Уоррингтоном

атомную бомбу», — пронеслась в голове дежурного фатальная мысль. По сигналу воздушной тревоги в район Орфорд срочно отбыл наряд моторизованной полиции.

Через час после катастрофы приемная полицейского комиссара была взята штурмом газетными репортерами. Шефу посчастливилось ретироваться через запасной выход. На растерзание прессы он оставил своего заместителя.

Ввиду того, что показания уоррингтонского полисмена носили сугубо конфиденциальный характер, мы позволим себе процитировать информацию корреспондента «Таймс».

В это памятное утро, которое навсегда войдет в анналы город-

ской хроники, «группа офицеров 151-й батареи Королевской артиллерии, дислоцированной в четверти мили от района Орфорд, торжественно отметила отъезд своего командира, открыв огонь крокетными шарами из пушки времен Крымской войны».

Крокетные шары пронеслись над военными бараками, миновали коттеджи семейных офицеров, перелетели через шоссе и железнодорожную насыпь и упали на жилой дом.

Мисс Кэтрин Энскауб с Уизерзавеню, у которой было выбито окно в столовой, а пол покрыт осколками стекла, заявила:

— Я считаю это отвратительным поведением со стороны взрослых мужчин».

Итак, инцидент, наделавший

столько шума, был вызван просто невинной забавой взрослых детей в офицерских френчах Королевской артиллерии. Эти сыны туманного Альбиона, вероятно, забыли разбавить виски содой. Поэтому они и не вспомнили о расстроенных нервах английских граждан, которые с затаенным ужасом устремляют взоры в британское небо, где круглосуточно патрулируют американские атомные бомбардировщики.

Интересно, какой балл «по поведению» поставила бы мисс Кэтрин Энскауб пилотам американских патрульных самолетов? Ведь под крыльями реактивных бомбардировщиков висят не крокетные шары, а натуральные водородные бомбы, и летчики вполне могут сбросить их на голову англичан «просто ради интереса», как об этом недавно доложил своему шефу заместитель министра обороны США...

А вы как считаете, достопочтенная мисс Энскауб?

В. МИХАЙЛОВ

Ян АЛЛАН

Слава богу, среди шейхов есть и такие, за которых стоит сражаться. Возьмите, например, шейха Абдоллара эль Стерлинг-пашу, правителя крошечного англо-американского протектората Нефтяра на берегу Персидского залива.

Хотя личные доходы шейха переваливают за 12 миллионов долларов в год (что составляет 50 процентов прибылей англо-американской нефтяной компании, обосновавшейся в протекторате), Абдоллар эль Стерлинг-паша живет в скромной хижине с гаражом на тридцать две машины.

У шейха простые вкусы. По местным законам он мог бы иметь сорок четыре жены, но довольствуется всего-навсего сорока тремя.

У него девяносто шесть сыновей. Подобно отцу, все они ведут скромный образ жизни. Ни одному из них до совершеннолетия не разрешается иметь более двенадцати жен. Наклонности сыновей вполне прозападные. Их часто можно видеть за рулем собственных «кадиллаков», пронесшихся по узеньким кривым улочкам города со скоростью сто пятьдесят километров в час. Правда, время от времени они сшибают какого-нибудь верблюда вместе с седобородым погонщиком или отправляют на тот свет пару — другую старух и детей. Все это, однако, не выходит за рамки здорового спорта.

Бухгалтерия шейха Абдоллара чрезвычайно проста. Одну треть доходов он использует сам, другая треть идет на покрытие расходов по дому, а остальное переводится на многочисленные счета в английских и американских банках.

Шейх — просвещенный человек. Он разрабатывает обширные планы улучшения жизни своих двухсот тысяч подданных. Он думает о школах, больницах, домах и дорогах. Но в данный момент, сокрушенно вздыхает шейх, его люди не готовы к прогрессу. Поэтому он мудро разрешает им умирать от голода и болезней в пустых бочках из-под нефти.

У шейха есть грандиозные замыслы демократизации Нефтяра. Первоочередной задачей он считает введение новых налогов.

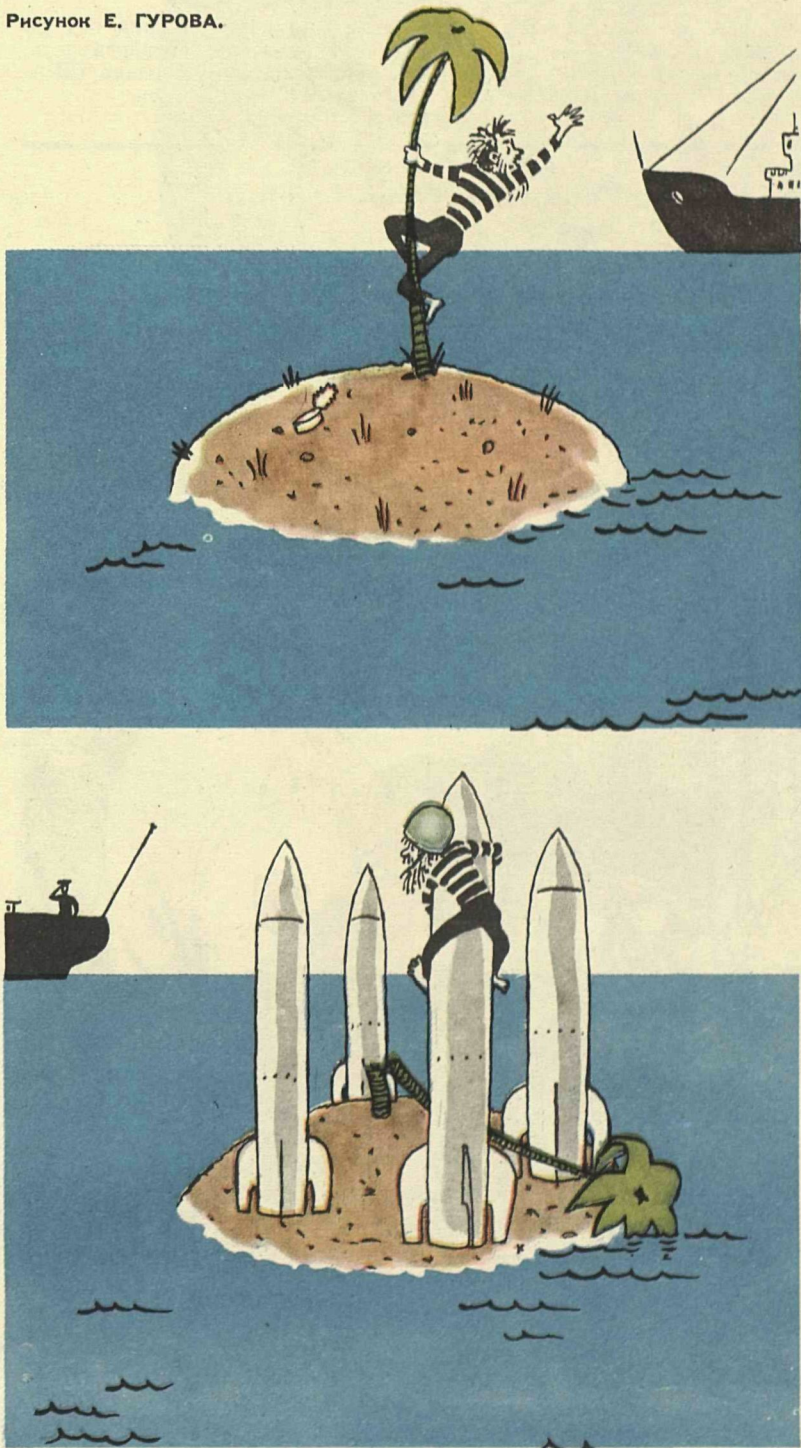
Абдоллар горячо любит свой народ и тщательно оберегает его от влияния соседних арабских стран. Он делает это при помощи армии, состоящей из отставных солдат американской морской пехоты, американских танков типа «Шерман», бригады английской легкой пехоты и эскадрильи тяжелых бомбардировщиков.

Несколько лет тому назад шейх наглядно продемонстрировал заботу о подданных. Он приказал снять американские плакаты, рекламирующие пшеничные булочки. «Мой народ, — объяснил он, — будет оскорблен картинками, изображающими, как кто-то ест».

Шейх Абдоллар — это человек, которого не следует упускать из виду: ведь в один прекрасный день вас могут послать сражаться за него.

Из канадской газеты «Канадиан трибюн».

Рисунок Е. ГУРОВА.

ПОМОЩЬ ПО-АМЕРИКАНСКИ.

РУБИЩЕ МИСТЕРА ХЭЗЛИТТА

По слухам из Вашингтона, госдепартамент объявил чрезвычайный конкурс. Приз — пачка акций компании «Стандард ойл» — ждет того счастливчика, который сумеет представить *самый неопровержимый аргумент*, оправдывающий интервенцию США в Ливане.

Перспектива мгновенного обогащения толкнула на порог государственного департамента и постоянного экономического обозревателя журнала «Ньюсуик» мистера Генри Хэзлитта. Потрясая над головой бесформенным пакетом, он влетел в один из кабинетов отдела стран Арабского Востока.

— Немедленно телеграфируйте государственному секретарю! — крикнул обозреватель. — «Феноменальный аргумент мистера Хэзлитта гарантирует стопроцентное оправдание интервенции американских войск в Ливане!»

Генри Хэзлитт тут же вскрыл пакет и вывалил под нос чиновнику груды старого тряпья. Чиновник раздраженно наемкнул Генри Хэзлитту, что госдепартамент пока еще не желтый дом.

— Наберитесь терпения, — посоветовал Хэзлитт чиновнику. — Известно ли вам, что я крупный специалист по проблеме долларовой помощи отсталым странам? Впрочем, ближе к делу. Переворот в Ираке показал, что долларами ни союзников, ни дружбу не купишь. А что происходит в Ливане?..

— Интриги красных, коммунистическая пропаганда, косвенная агрессия... — привычно забубнил чиновник.

— Чепуха! — заметил Генри Хэзлитт. — Корень всех наших бед на Ближнем Востоке — в шикарном фраке дипломатов госдепартамента. Костюм наших послов — это визитная карточка золотого фонда США. Он ослепляет бедных азиатов, вызывает зависть и ненависть.

— Допустим, — нехотя согласился чиновник. — Но что вы в таком случае предлагаете?

— Нашим дипломатам пора сменить департаментский мундир на такое вот рубище, и тогда все пойдет как по маслу. Здесь, — Генри Хэзлитт вытащил из кармана журнал «Ойл энд гэз джорнэл», — черным по белому написано: «На Ближнем Востоке в шесть раз больше нефтяных запасов, чем в США». В шесть раз! По сравнению с Ближним Востоком наши Штаты просто заштатная бедняцкая страна! Вот на чем должна сосредоточиться вся наша пропаганда...

— Допустим, мистер Хэзлитт. Но мне не совсем ясен ход вашей мысли...

— Я утверждаю, что в этих лохмотьях любой американский дипломат убедит не только арабов, но и весь мир, что в Ливан нас погнала не алчность, а крайняя нужда, что нам позарез необходимо жизненное пространство и без арабской нефти нам никак.

Чиновник оторопело уставился на мистера Хэзлитта... А через три минуты он уже подписал экстренную депешу, составленную Хэзлиттом:

«Пребывание американских войск в Ливане вызвано потенциальной угрозой нефтяного голода, нависшей над США. Этом основании следует рассматривать противодействие нашей акции Ближнем Востоке как неспровоцированную агрессию».

Чиновник радостно потер руки: он мысленно уже видел себя специальным представителем США на Арабском Востоке, триумфально осуществляющим новую доктрину мистера Хэзлитта. Кто посмеет теперь обвинить в агрессии представителя беднейшей страны в мире! Коран и Аллах не позволят арабам отказать бедствующим янки в нефтеносных районах!

— Теперь все будет о'кей! — воскликнул чиновник.

* * *

Мы не ручаемся за подробности этой встречи. Что же касается самой теории мистера Хэзлитта, то она изложена на страницах одного из последних номеров журнала «Ньюсуик». Читайте, американцы, и дивитесь, до каких вершин абсурда доходят ваши пропагандисты в попытках оправдать политику колониального разбоя!

В. МЕНЬШИКОВ

ЗАИНТЕРЕСОВАННОЕ ЛИЦО

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Меня беспокоит напряженность на Среднем Востоке: как бы она совсем не ослабла.

С ПРИЯТНОЙ УЛЫБКОЙ..

Песок — тело сыпучее, а в сыпучем теле увязнуть, как известно, трудно.

Особенно много песка в жарких странах. Сейчас, например, в песках Ливана увязла американская колониальная политика. Виноват здесь, понятно, отнюдь не песок, а сама эта политика.

Как выбраться?

Такой вопрос волнует сейчас многих в Америке. Мистер Шмидт, вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», пишет даже так: «Присутствие американских войск в Ливане глубоко беспокоит американское правительство». И это вполне понятно. Грабитель, который ворвался среди бела дня в чужой дом, едва ли может сохранять олимпийское спокойствие. «Американским официальным лицам, — подтверждает мистер Шмидт, — трудно скрыть свое мнение о том, что Соединенные Штаты каким-то образом оказались пойманными с поличным».

Итак, что же предпринять?

Пока что на политическую поверхность Вашингтона всплыли два любопытных предложения.

Первое внес председатель сенатской комиссии по иностранным делам Теодор Грин. Он посоветовал «назначить специального посла мира, чтобы ослабить напряженность на Среднем Востоке».

«Посол мира» должен иметь «высший дипломатический ранг», а также «занимать положение в обществе».

В качестве возможной кандидатуры сенатор Грин выдвигает бывшего командующего войсками НАТО Альфреда Грюнтера.

Судьба играет человеком! Грюнтер действительно «занимает положение в обществе», но вот вопрос: в каком? всю свою жизнь он посвятил милитаристским деяниям. И если на склоне лет он, чего доброго, угодит в дипломаты «высшего ранга», то это может кончиться довольно конфузно. Бравый генерал в отставке может по старой привычке сколотить на Арабском Востоке военный блок, состоящий из него самого, иорданского короля Хусейна и американской морской пехоты. То-то будет радости в Пентагоне!

Второй проект принадлежит уже знакомому нам вышеупомянутому мистеру Шмидту из «Нью-Йорк таймс». Он сводится к тому, что Соединенные Штаты могли бы «уйти из Ливана с приятной улыбкой».

Надо полагать, ливанцам в конце концов безразлично, с какой улыбкой уйдут американцы из их страны, только бы поскорее ушли. Пусть даже и без всякой улыбки!

Тем не менее в предложении Шмидта есть рациональное зерно. Чувствуется, что автор знаком с русской поговоркой: «Коготок увяз — всей птичке пропасть». Вот он и советует вытащить коготок из вязкого ливанского песка, пока не поздно.

Правда, мистер Шмидт не идет в своих рассуждениях к дальнейшим обобщениям. А простой вывод заключается в том, что в наше время американской колониальной «птичке» коготки выпускать вообще не рекомендуется. Это опасно для самой «птички».

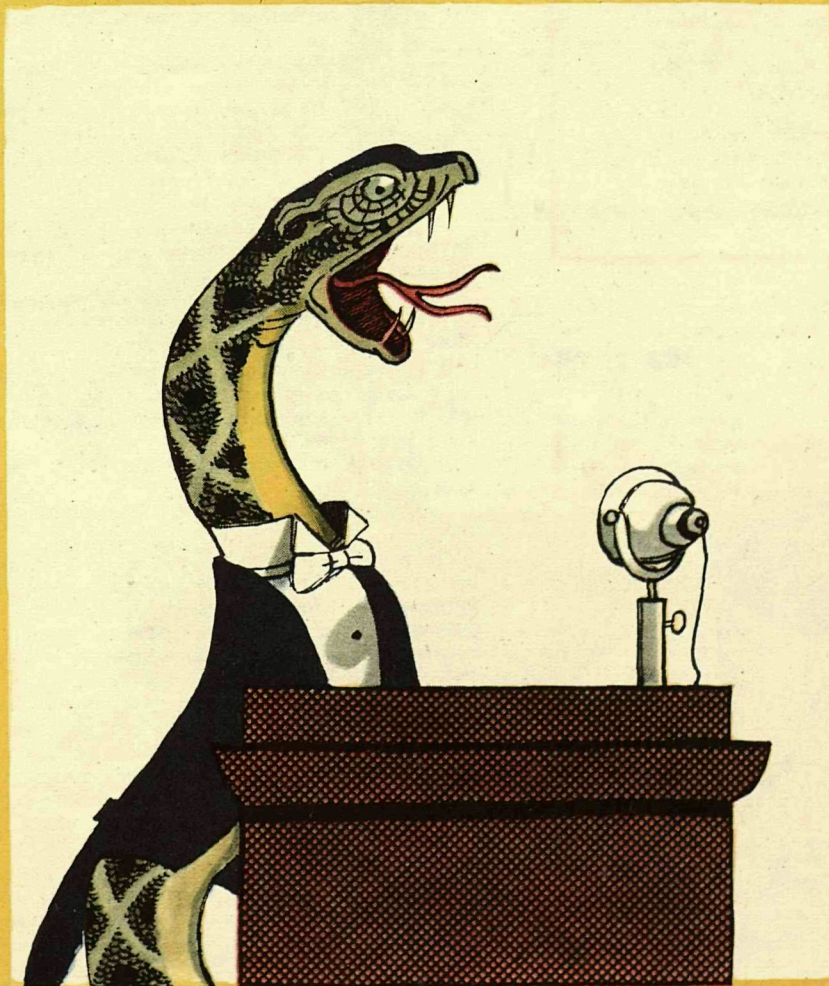
В. АЛЕКСАНДРОВ

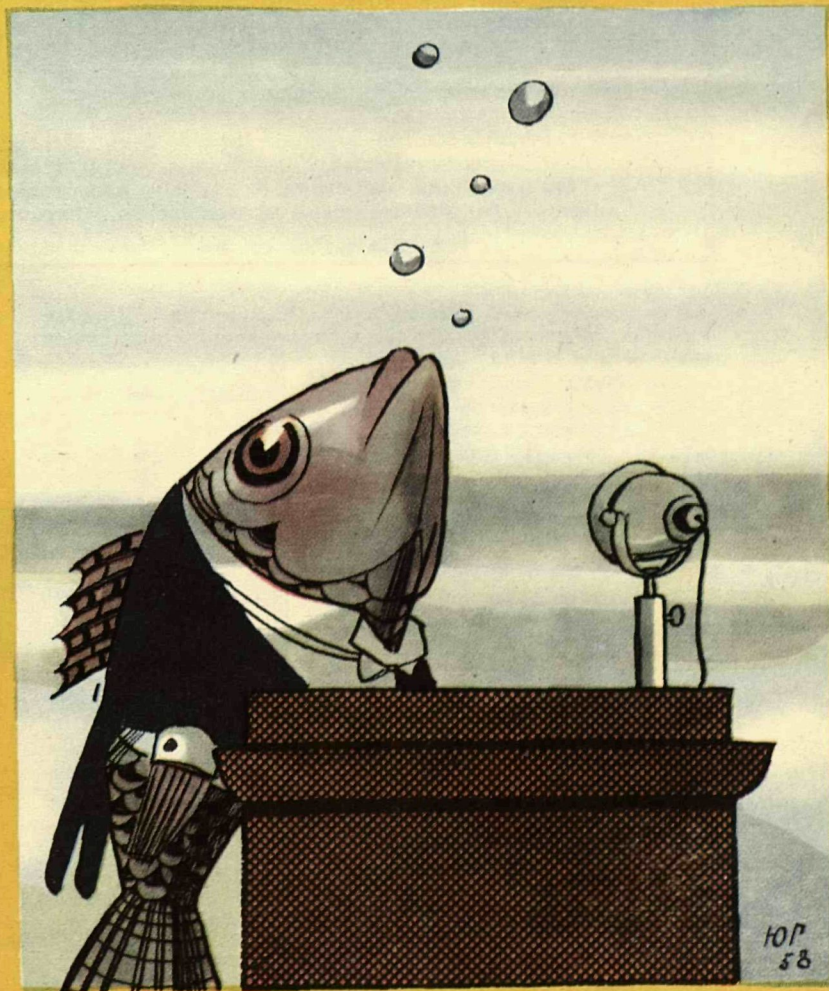
Он воркует, как голубок, рассказывая об американской демократии...

...рычит, как тигр, когда дело касается стран социалистического лагеря...

...шипит, как змея, в ответ на требования о признании Народного Китая...

...и молчит, как рыба, когда речь заходит о выводе американских войск из Ливана.

ЮГ
58

ВИЛЫ В БОК

СКОРБНАЯ БУМАГА

Она в недоумении. Она в тревоге. Она подавлена. В чем дело? Что случилось? О ужас! Он требует развода. И все это случилось неожиданно. Вдруг ей вручают повестку из суда. В той скорбной бумажке говорится:

«Куйбышевский областной суд вызывает Вас в качестве соотвечника на 7. VIII. 1958 года к 10 часам утра по делу о разводе. Явка обязательна. Секретарь суда (подпись неразборчива)».

Явка обязательна! Но как она может явиться на суд? Она никак не может явиться на суд. Дело в том, что она... не женщина, а база. Точнее: Чуркинская сбытовая перевалочная база «Росмясорыбторга» в городе Владивостоке.

Ей и адресована повестка о разводе. Так прямо и сказано: «г. Владивосток Чуркинской базе Росмясорыбторга». С кем база должна развестись, неизвестно. Это выяснится на суде в Куйбышеве, если база целиком и полностью пожелает туда из Владивостока.

Вот что получается, когда секретарь суда (подпись неразборчива) допускает в своей работе брак. А раз есть брак, то почему не быть и разводу?

РАСПОЯСАВШАЯСЯ ЛИСА

Директору Краснотурьинского сельхозучастка тов. Жукову доложили, что с птичника начали пропадать куры. Удалось обнаружить, что кур таскает лиса.

— Лиса? — изумился Жуков. — Ах, она, рыжая разбойница! Немедля поймать и унич... Впрочем, погодите минутку. Охота на лис у нас в Свердловской области запрещена. Не хватало, чтобы нас еще и оштрафовали!

И директор запросил областное начальство.

Ответ пришел незамедлительно:

«Отстрел лисы госохотинспекция не разрешила. Примите меры отгона лисы от птичника пахучими веществами — тряпками, пропитанными керосином или креолином, одновременно можно произвести выстрел в воздух и создать другой шум, которого лиса боится. Ветврач Серебряков».

И вот поднялся шум. Возле птичника плотники сколотили специальную ловушку. Из города пригласили охотников с собаками. Жуков с ног сбился, лично приняв верховное командование над проведением операции. Загremели выстрелы, закричали люди, загremели заслонки и тазы. Крепко завоняло керосином.

Но сообразительная лиса, понимая, что ее жизни абсолютно ничего не угрожает, спокойно разгуливала между кустами, нахально помахивая огненным хвостом.

— Дозвольте, товарищ директор, ей, проклятой, хоть ноги палкой переломать, — взмолились служащие.

— Ни-ни, — поблeднел Жуков, — ни в коем случае! Лиса должна остаться невредимой при всех обстоятельствах! Шуметь шуми, а рукам воли не давай.

Облавы и засады никаких результатов не дали. К бесстрашной лисе присоединились еще шестеро ее нахальных сородичей.

По последним оперативным данным, лисы сожрали уже 72 курицы. Отпугивание лисиц продолжается с нарастающей силой.

БРОНЕВАЯ ЗАЩИТА

«А в самом деле, почему бы не съездить в Красноярск, ведь время летнее, отпускное. После поездки будет что рассказать детям о чудесном городе на Енисее. О его драматическом театре, краеведческом музее, неповторимом острове Отдых», — с такими благими думами ехал сельский учитель Павел Иванович Истомин в краевой центр.

Прежде чем нанести визит Мельпомене, Павел Иванович решил зайти в гостиницу «Енисей»...

Окошечко с надписью «Дежурный администратор» распахнулось, и названное служебное лицо любезно прощобетало:

— Я к вашим услугам.

— Мне бы номер или койку, — вежливо попросил учитель.

— Пожалуйста. А броня есть?

— Какая броня?

— Самая обыкновенная. — Нежный птичий говор сменился несколько недовольным кудахтаньем. — Вы, собственно, куда приехали?

— Я приехал в город, вернее, в драмтеатр, парк...

— То есть на гастроли пожаловали? — Из окошечка опять полились трели. — Зайдите в театр, там для уважаемых артистов завсегда имеется броня.

— Но я не артист, я просто зритель.

После этих слов птичка зарычала таежным зверем:

— В таком разе помочь не можем! Для просто зрителей у нас мест нет!

Вздохнул учитель и направил свои уставшие стопы в гостиницу «Север». Название гостиницы вселяло в его наивную душу надежду получить место: в северных районах всегда гостеприимно относятся к путникам. Там никогда не оставят гостя ночевать под шапкой.

Здесь ему сообщили утешительную весть: все номера гостиницы забронированы до конца месяца.

По пустынным ночным улицам учитель объехал город от гостиницы «Север» до Дома крестьянина, от Дома крестьянина к гостинице аэропорта, от аэропорта к железнодорожному вокзалу, и везде на его просьбы ответ был один:

— Без брони не ходите.

— Но где же я возьму эту броню сейчас, ночью, когда все учреждения закрыты? — спрашивал приезжий.

Отвeтом ему обычно был выразительный, но малоутешительный жест — пожимание плечами.

В конце концов уставший учитель наткнулся в одной из гостиниц на добрую тетю Сашу. Ночная коридорная указала посетителю на диван и сказала:

— Отдохните здесь. Может быть, и места дождется.

— Ожидать так ожидать... — вздохнул учитель.

Но места в номере он так и не дождался. Не дождался, хотя в эту ночь в гостиницах, которые он обошел, отыскивая пристанище, пустовало четырнадцать «забронированных номеров» с сорока семью койками. Измученный учитель уехал в родное село.

Вот вкратце и все недолгое путешествие П. И. Истомина в краевой центр. Но, как говорит народная мудрость, гость недолго гостит, да много видит. Вернувшись домой, учитель часто вспоминает о своей поездке — рассказывает детям о спектакле в театре, об экспонатах музея, о хорошем отдыхе на острове Отдых.

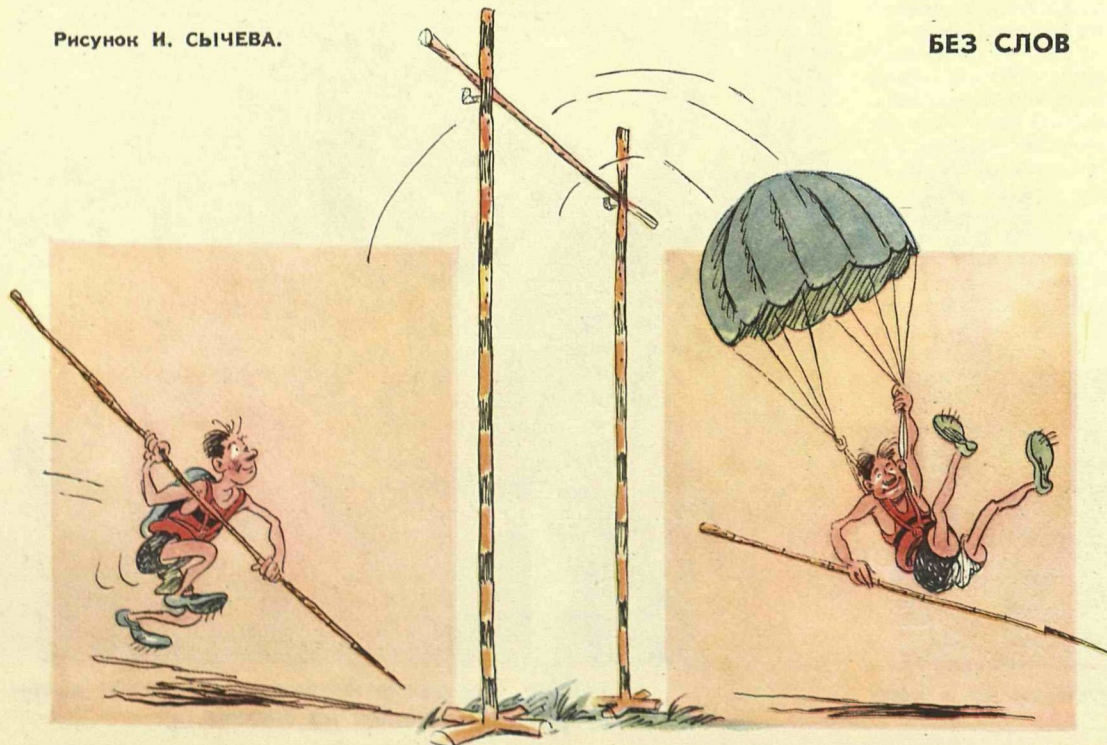
Единственно, о чем не хочется ему говорить, — это о красноярском гостеприимстве да еще о хозяйственной «гибкости» местных коммунальников, которые прикрылись «броневой защитой».

Е. ГУДИЛИН

г. Красноярск.

Рисунок И. СЫЧЕВА.

БЕЗ СЛОВ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДРУЖИЩЕ КРОКОДИЛ!

Директор Нижне-Баканского известкового завода «Совхозстрой-материал» тов. Птушко — человек на редкость прямой и хитростей не терпит.

Уличат его, скажем, потребители в том, что вместо бутового камня он им глину вперемешку с каменной мелочью поставляет, а Птушко только усмехнется и скажет:

— Молодцы, что заметили! Я лично ротозеев не люблю. Идите с миром!

— То есть как идите?! — возмутятся пострадавшие. — Мы за брак платить не собираемся. Деньги назад верните!

— Деньги, товарищи, — вещь текучая. Вчера они были ваши, сегодня наши, — невозмутимо ответит Птушко, давая понять, что разговор окончен.

Надо сказать, что не всех такой оборот дела устраивал. Работники треста «Нефтегазстрой», например, решили разговор продолжить и опубликовали на страницах газеты «Советская Кубань» заметку, где Птушко фигурировал в роли прижимистого купца, продающего гнилой товар.

— Ах, так! — возмущился Птушко. — Ну погодите, я вам покажу, какой я купец... — И запретил отпускать бутовый камень тресту «Нефтегазстрой».

Теперь и остальные боятся ему перечить: возьмет да и не даст камня.

Одна надежда, дружище Крокодил, что ты не зависишь от тов. Птушко и не побоишься бросить камешек в его огород.

Можно и не бутовый, а простой. Потяжелее.

Д. СУХОПУТОВ

г. Краснодар.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Что бы ты сказал, если бы тебе ни с того ни с сего предложили:

— А ну, дыхни!

И подставили бы стакан.

Возмущился бы, наверное. Шоферы в Андижанской области тоже возмущаются, но все-таки дышат в вышеупомянутый стакан.

— Беседовал с колхозниками...

...побывал на стройке...

...общался с учеными...

...а все почему-то говорят, что я не знаю жизни!

Дышат при выписке путевых листов и при выезде из гаража. Дышат по возвращении в гараж, при сдаче путевок и даже при получении зарплат.

Таков приказ № 46 начальника областного автотреста В. Н. Кондратьева. Приказ категорически предписывает: «...проверять состояние самого водителя в части употребления спиртных напитков, заставлять каждого водителя дышать в пустой чистый стакан. Только после такой проверки в путевом листе делать запись о состоянии водителя». Проверка вменена в обязанность дежурных механиков, диспетчеров и даже бухгалтеров автобаз.

Не возьмешься ли, дорогой Крокодил, определить (конечно, без

помощи стакана), чем пахнет приказ управляющего Андижанским автотрестом?

В. КУДРЯВЦЕВ

г. Ташкент.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Когда в нашем Парке культуры и отдыха открылась запись в кру-

жок духовых инструментов, от желающих не было отбоя...

А знаешь, чем сейчас занимаются кружковцы? Составлением «нот»... к различным торгующим организациям с требованием продать комплект духовых инструментов...

И куда мы только не обращались: и в Москву — в Главпромснаб, и в Кемеровскую областную оптовую базу «Главкультторга», и в областное управление торговли... Словом, прошли огонь, воду и медные трубы. Но ни одной духовой трубы так и не получили.

В. ПЛОНСКИЙ,
зав. отделом культуры
горисполкома

г. Ленинск-Кузнецкий.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 08422. Изд. № 918. Подписано к печати 30/VIII 1958 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 2046. Тираж 1 020 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

41 = 9 СЕН 1968

23 46/0

24

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

Всеобщая
Книжная палата
Обязат. экземпляр
1968 г.

ТЕНЬ КОРОЛЯ ХУСЕЙНА

КУКРЫНИКСЫ 58